

ХОЗЯЙКА ЧЕРНОГО БОРА

Нина Прудникова

18+

Нина Прудникова

ХОЗЯЙКА ЧЕРНОГО БОРА

«Автор»

2026

Прудникова Н.

ХОЗЯЙКА ЧЕРНОГО БОРА / Н. Прудникова — «Автор», 2026

Чёрный Бор хранит больше тайн, чем готовы признать люди. Когда героиня оказывается на его границе, ей приходится столкнуться с древними следами, странными знаками и голосом прошлого, который невозможно не услышать. Но у каждого дара есть цена, а у каждой тропы — свой конец. «Хозяйка Чёрного Бора» — атмосферная история о лесе, памяти, выборе и силе, которую невозможно получить, не изменившись.

© Прудникова Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ. ЧЕРНЫЙ ОМУТ	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Нина Прудникова

ХОЗЯЙКА ЧЕРНОГО БОРА

ПРОЛОГ. ЧЕРНЫЙ ОМУТ

Сумерки опускались на Верхние Ветлы медленно, словно нехотя. Воздух в исходе июля стоял густой, липкий от пыли и смолистого духа сосновой стружки. На гумне дотемна гремели молотила, бабы таскали в подолах опавшие яблоки, а мачехин голос — скрипучий, как немазаное тележное колесо — не смолкал ни на минуту:

— Агашка! Где тебя лешие носят? Опять холсты не катаны, а у корыта помой скисли! Шевелись, пустодомка, кому говорят!

Агафья стояла у плетня, вцепившись пальцами в шершавые ивовые прутья. Руки ее гудели от стирки, на ладонях от щелока полопалась кожа. В деревне ее жизнь была расписана на двадцать лет вперед: крик мачехи, побои захмелевшего к праздникам отца, тяжелая работа от первых петухов до полуночи, а по осени — свадьба с каким-нибудь вдовым бобылем, которому в избу нужна дармовая работница.

Она сдернула с головы полинялый ситцевый платок, встряхнула тяжелой, темной косой и, не оглядываясь на оклики, скользнула в заросли крапивы за огородами. Ноги сами несли ее вниз по оврагу, где кончались деревенские межи и начиналась глухая, вековая стена Черного бора. Там текла речушка Выюница, сворачивая в тихий глубокий омут под старыми ветлами. Там не было запаха навоза и кислой капусты. Там пахло влажной мятой, речным илом и свободой.

Он ждал ее у Черного ручья.

Она так и не узнала его настоящего имени. Он появлялся без звука — только ветви папоротника раздвигались в тишине. Был он высок, худ и строен, а лицо его казалось высеченным из гладкого речного камня. В сумерках глаза незнакомца отливали тяжелым, глубоким золотом, как застывшая на коре смола. От него пахло прелой листвой, первым инеем и чем-то древним, от чего у Агафьи замирало сердце — то ли в сладком восторге, то ли в слепом, первобытном ужасе.

— Опять прячешься от своих? — не оборачиваясь, спросил он. Голос его звучал как шелест молодых листьев на ветру — мягко, обволакивающе, отбирая всякую волю к сопротивлению.

— Они мне не свои, — выдохнула Агафья, медленно подходя ближе. Вся ее робость перед чужаком таяла, стоило лишь вдохнуть этот странный дурман — смесь горькой полыни, талой воды и первого снега. — Тошнит меня от них. От избы, от речей пустых, от работы бесконечной. Кажется, кабы птицей была — в небо бы ушла и не вернулась.

Мужчина поднялся. Он был высок, тонок в кости, но в каждом его неторопливом движении чувствовалась скрытая, звериная мощь. Он шагнул к ней, и Агафья невольно отступила на полшага, но он протянул руку и кончиками пальцев коснулся ее горячей щеки. Пальцы его были прохладными, словно родниковая вода в знойный полдень. От этого прикосновения по спине девушки побежали сладкие, пугающие мурашки.

— Птицей быть не трудно, — тихо произнес он, глядя ей прямо в глаза. В золотистых зрачках колыхались крошечные искры. — Трудно найти того, кто не захочет посадить тебя в плетеную клеть. Люди любят клетки, Агафья. Они строят их из бревен, из законов, из своих нелепых страхов. Разве ты создана для клетки?

— Нет... — прошептала она, чувствуя, как слабеют колени.

— Тогда почему дрожишь?

— Боюсь тебя. Бают в деревне, что в омутах нечисть водится. Что морок наводят, в трясину заманивают...

Он негромко рассмеялся — звук был похож на перекатывание мелких речных гольшей:

— Разве я тяну тебя в трясину? Посмотри на меня. Разве зло приходит с такими глазами?

Он взял ее огрубевшие, натруженные ладони в свои, поднес к губам и поцеловал каждую ссадину, каждый след от щелока. Это было так непохоже на неуклюжие щипки деревенских парней на игрищах, так ново и нежно, что у Агафьи перехватило дыхание. В груди разлилась горячая волна, вытесняя остатки рассудка.

— Кто ты? Скажи мне хотя бы имя... Откуда ты приходишь? Где твой дом?

Он чуть склонил голову, и в его янтарных глазах блеснула мягкая, насмешливая прохлада:

— У ветра нет имени, Агафья, а травы не спрашивают реку, как ее зовут. Имена нужны людям, чтобы запирали друг друга в слова, как в плетеные клетки. Для птиц я — тень в кронах, для зверей — шорох в малиннике. Не ищи для меня человеческого слова. Зачем тебе пустое имя, когда шумит бор?

В голосе его не было человеческого тепла, но каждое слово падало на душу Агафьи сладким, пьянящим дурманом. В деревне ее учили бояться некрещеного, батюшка в часовне страдал карой за любые лесные шашни, но сейчас, глядя в бездонные золотые глаза, она забыла и крест, и страх. Если перед ней стоял сам древний Хозяин этих чащоб — безымянный, грозный и прекрасный, — она готова была без оглядки шагнуть в его морок.

В тот вечер он впервые привлек ее к себе, и его прохладные губы коснулись ее губ — сначала осторожно, словно пробуя на вкус, а затем с жадной, пьянящей страстью. Агафья потеряла счет времени. Земля ушла из-под ног, шелест ветра заполнил весь мир, а мягкий ковер из папоротника и мха показался мягче пуховой перины. В ту ночь между ними сгорели все запреты. Это была не просто греховная близость деревенской девки и бродяги — это было единение живой, изголодавшейся по любви человеческой плоти с дикой, древней стихией, не знающей стыда. Агафья отдала себя без остатка, опьяненная лаской, шепотом речей и обещаниями вечной свободы.

Они встречались у омута еще три недели. Каждый вечер превращался в сладкую сказку, ради которой Агафья терпела любые попреки мачехи. Но с каждой ночью незнакомец менялся. Его объятия становились все холоднее, в поцелуях сквозила странная, ненасытная жажда, а ласковые слова сменялись долгим, тяжелым молчанием.

А потом пришла ночь полнолуния.

Туман поднялся над рекой выше человеческого роста, белесыми клочьями цепляясь за кусты. Воздух стал промозглым, ледяным, пахло тиной и гниющим деревом. Незнакомец стоял у самой кромки воды, спиной к ней.

— Ты припозднился, — попыталась улыбнуться Агафья, подходя ближе и кутаясь в платок. Ее бил озноб, дурное предчувствие тяжелым камнем давило на сердце. — Я тебя целый час ждала. Дома шум поднимут, мачеха за косы оттаскает...

Он медленно повернулся. И Агафья застыла на месте, похолодев от ужаса.

Перед ней стоял все тот же мужчина, но лицо его изменилось. Кожа посерела, на висках проступили темные прожилки, похожие на трещины в засохшей коре, а золотые глаза горели мертвым, нечеловеческим огнем. В них больше не было ни капли той нежности, что кружила ей голову.

— Наш срок вышел, — сказал он, и голос его прозвучал глухо, словно из глубокого подземелья.

— Как... вышел? — Агафья судорожно сглотнула, чувствуя, как к горлу подступает тошнота. — Ты уходишь? Возьми меня с собой! Я все брошу, я в лесу с тобой жить стану, любую долю приму!

— Человек не может жить там, где дышу я, — жестоко оборвал он. — Ты дала мне то, за чем я пришел. Твое тепло согрело мертвое лоно бора.

— О чем ты говоришь?..

Он шагнул вперед так стремительно, что Агафья не успела отшатнуться. Его пальцы сомкнулись на ее плече мертвой хваткой. Это были уже не прохладные руки любовника — пальцы стали жесткими, как дубовые сучья, а ноготь на указательном пальце вытянулся в черный, острый шип.

— Ты носишь в себе семя, женщина, — прошептал он ей в самое ухо, обжигая холодом ледяного дыхания. — Оно взойдет в положенный срок. Девять лун ты будешь беречь мою кровь.

Прежде чем она успела вскрикнуть, он с силой вонзил темный шип в ее тело чуть выше левой ключицы.

Боль была чудовищной, обжигающей, будто в живое мясо плеснули раскаленным свинцом. Агафья забилась в его хватке, слезы хлынули из глаз, крик застрял в перехваченном горле. Незнакомец медленно вел когтем по ее коже, вырезая на ней узор — сплетение извивающихся древесных корней. Кровь брызнула на его рубаху, закапала в темную речную воду, и вода в омуте мгновенно закипела мелкими пузырями.

— Когда высохнет столетний дуб на перекрестке — я приду за своей плотью, — его губы растянулись в жутком, хищном оскале. — Расти ее. Береги от людей. Она принадлежит лесу.

Он разжал пальцы. Агафья рухнула на колени во влажный ил, прижимая окровавленную ладонь к пылающей ключице.

— Пощади... — прохрипела она, задыхаясь от боли и рыданий. — За что?..

Ответа не было. Поднялся внезапный, свирепый порыв ветра, закружил сухие листья, взметнул туман. Когда Агафья подняла заплаканные глаза, берег был пуст. Лишь черная рябь ходила по омуту, да в воздухе стоял душливый запах могильного тлена и серы.

В деревню она вернулась на рассвете, перепачканная илом, с безумным взглядом и кровотокающей раной на груди. Рана затянулась к вечеру, но на ее месте остался безобразный, багрово-сизый шрам в форме переплетенных корней, который нестерпимо ныл при каждом ударе сердца.

Через три недели Агафья поняла: семя принялось. Ее тошнило от запаха печеного хлеба, кружилась голова, а под сердцем поселилась чужая, пугающая тяжесть. В деревне незамужнюю девку с брюхом ждали позор, смоляные ворота и вечная травля. Но страшнее людского суда был шепот, который она слышала по ночам из темных углов избы: «Береги плод...». Голос не был похож на скрипучий шёпот домового — он звучал глуше, глубже, словно поднимался из под земли, из самых корней, что тянулись под стенами избы к Чёрному бору.

Спасение пришло в лице соседа — охотника Игната.

Игнат был крепким, сильным мужиком под тридцать, с открытым обветренным лицом и спокойным, ясным взглядом. Жил он бобылем на самом краю деревни, промышляя пушниной и дичью. Он давно заглядывался на черноокую Агафью, да все не решался подойти, считая себя недостойным: в избе его пахло порохом да вяленным мясом, а обходиться с девками по праздничному он не умел.

Когда Агафья сама пришла на его двор на закате — бледная, исхудавшая, с потупленным взором — Игнат строгал топором на завалинке и от неожиданности выронил нож.

— Игнатушка, — тихо сказала она, глядя в мерзлую землю, чтобы он не увидел в ее глазах ледяного отчаяния. — Бают бабы, жениться ты надумал. А мне в отчем доме житья нет. Возьми меня в жены... Век верной буду, слова дурного не скажу.

Игнат опешил. Он поднялся, не веря собственному счастью, осторожно коснулся ее дрожащего плеча широкой, горячей ладонью:

— Да разве ж ты пойдешь за меня, Агаша? Я ж мужик простой, лесной, обходиться не обучен...

— Пойду, — твердо ответила она, подняв на него полные слез глаза. — Хоть завтра под венец. Только уведи меня из этого дома.

Свадьбу сыграли до Спаса, без лишнего шума. Игнат носил молодую жену на руках, не чаял в ней души и не заметил, как быстро округлился ее живот под широким поневом. А когда на исходе весны Агафья в страшных муках родила девочку, Игнат стоял на коленях у лавки, гладил ее мокрые от пота волосы и плакал крупными, светлыми слезами:

— Господи, спасибо тебе... Доченька моя. Крошечка. Дарованная она нам с тобой, Агашенька. Божий дар... Дарой назовем.

Агафья же лежала, отвернувшись к бревенчатой стене, кусая губы до крови, чтобы не закричать от немого ужаса.

Она видела.

Когда бабка-повитуха обмывала младенца теплой водой, на крошечном, нежном плечике новорожденной девочки отчетливо проступило родимое пятно — точный, багровый рисунок извивающихся корней. Семя возшло. Чудовище из Черного омута оставило на ее дитяти свою метку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.